

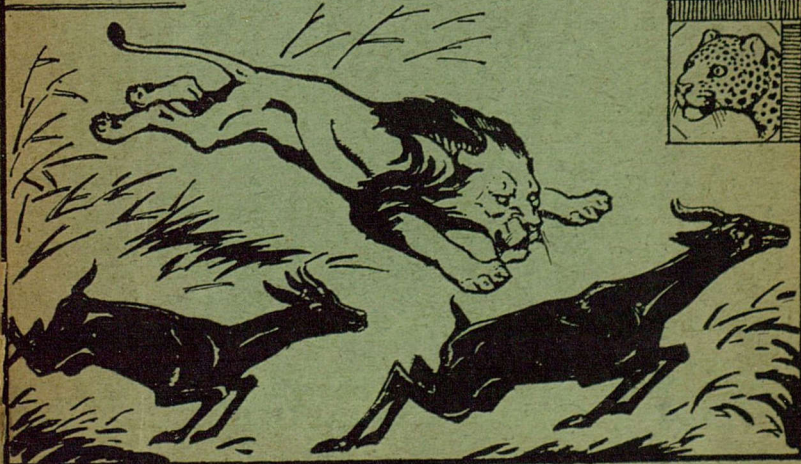
В
4-349

АЧЕГЛОК

ФЕНЕК

ПО АФРИКЕ

РАССКАЗЫ
ИЗ
ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА. МОСКВА — 1924.

Прое. 1969

мет

4-349

Фенек

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ДЕТСКОЙ КНИГИ

19696
 МОСКОВСКАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 ИМЕНИ
 В. И. ЛЕНИНА
 2190742

661830 КХ, рег. 22
 Российская государственная
 библиотека

Главлит № 23650 (Москва). Тираж. 4000.
 „Мосполиграф“, 13-я тип. „Мысль Печатника“, Петровка, 17

41024 1857-881

МОСКОВСКАЯ
 ГОСУДАРСТВЕННАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 ИМЕНИ
 В. И. ЛЕНИНА

Ф Е Н Е К.

Я медленно покачиваюсь на верблюде под жгучими лучами сахарского солнца. Сегодня первое мая. Мои родные и приятели на далекой родине справляют маевку.

Как хорошо перенестись бы туда сейчас!

Но разве там нужно прятаться от солнца?

Оно там не печет, как здесь. Я не обжигал бы там своих пальцев, нечаянно касаясь медных бляшек. Я не испытывал бы и тяжести в голове; я не чувствовал бы себя таким расслабленным; там у меня не было бы такой жажды, которую, кажется, никогда нельзя утолить в Сахаре. И вот эта жажда и зной рисовали мне картины далекой родины, картины того, чего так много на севере и в чем испытываешь недостаток здесь, среди раскаленных песков пустыни.

И у меня и у моего проводника Али было одно желание — скорее доехать до колодца.

Там я поставил бы на огонь свой походный чайничек.

С чаем и жара нипочем! Что может быть лучше чая в пустыне?

А особенно когда целый день глотаешь вонючую теплую жидкость из кожаного меха!

Ведь, ее пьешь через силу, она вызывает тошноту. Пьешь для того, чтобы уничтожить неприятную сухость в горле, во рту, от которой пухнет язык и пересыхают губы.

Ах, скорее, скорее бы притти к колодцу!..

Но верблюды идут ровным шагом и делают не более 4-х верст в час. Бесполезно понукать и кричать на них. Я уже испытал это. Теперь предпочитаю не делать этих лишних усилий, а терпеливо качаться на „корабле пустыни“.

Я только спрашиваю от времени до времени Али, скоро ли мы доедем до колодца и сколько осталось ехать?

А Али указывает на беспредельную даль и говорит, что вода там.

Но кругом я вижу одни и те же бугры, на которых растут какие-то мелкие кустики.

Эти кустики глубоко пустили свои корни через всю толщу песка и этим сохраняют жизнь растению и существование буграм.

Там, где корешков нет, ветер Сахары, как зубами, гложет песок...

Со смертью растения разрушение бугров пойдет скорее, — они рассыпятся в мелкий песок, из которого ужасный сирокко будет делать причудливые песчаные волны.

Такими песками мы ехали уже целое утро. Теперь едем между буграми, еще не превращенными окончательно в песчаные дюны.

Здесь от присутствия этих маленьких невзрачных кустов с сероватыми листочками как-то веселей...

Иногда в этих буграх видишь норки. Кто-то живет в них. Кто-то находит возможность существовать здесь.

И всякий раз, при виде какой-либо норы, я спрашивал об этом Али.

Али хорошо знает всех животных пустыни. Да и не трудно их узнать... Их так мало!

Нужно удивляться, как и эти животные могут жить и размножаться здесь! Ведь многие из них не имеют возможности пить воду!

И это в пустыне, где жара доходит до 65° по Цельсию.

Вот уже целый день, как мы ждем оазиса, и Али говорит, что кроме одного колодца кругом верст на двадцать пять нет других источников!

Вероятно, только немногие животные могут пить из этого источника! А остальные? Неужели для них достаточно той влаги, которая находится в пище?

Неужели эти кожистые листочки содержат достаточно воды, чтобы утолить жажду?

Да, очевидно это так, очевидно, что все животные Сахары приобрели непонятную для людей привычку обходиться самым малым количеством влаги, которая находится в пище каждого из них.

Впрочем, в песчаной пустыне и нет особенно крупных животных. Львы, слоны, носо-

роги, бегемоты и крупные антилопы не живут в пустыне.

Кроме того, животные пустыни значительно меньше таких же животных, живущих в местностях, более богатых пищей. Так, газели пустыни значительно меньше, чем газели, живущие по окраинам ее. Тушканчики травянистых степей Европы значительно крупнее тушканчиков Сахары. То же нужно сказать и про лисиц пустыни, которых арабы называют фенеками.

По отрогам гор, у самой пустыни я несколько раз видал лисиц и сразу признавал в них сходство с нашими европейскими лисицами.

Но фенек—лисица пустыни, лисица ужасной, своеобразной Сахары, и, как и все в этой пустыне, лисица здесь особенная.

Фенек—самое маленькое животное в лисьем роде. Размеры взрослого фенека вместе с длинным пушистым хвостом не более 3-х четвертей.

Но не размерами, а своими громадными ушами поражает фенек при первом взгляде

на него. Эти громадные уши на маленькой голове, большие глаза и острая, тонкая мордочка, усаженная длинными черными усами, придают всей лисичке необыкновенно странный вид.

Остается впечатление, как будто видишь перед собой какого-то уродца.

Но если долго наблюдать фенека, то понемногу это впечатление проходит. Эти уши до такой степени подвижны, принимают такие разнообразные формы, что с каждым новым положением кажется, что видишь перед собой нового зверя.

Таким, всегда новым для меня, являлся фенек при различных положениях. Я не только примирился с его огромными ушами, но стал находить, что без них фенек потерял бы половину прелести для меня.

Все остальные части тела фенека очень красивы и пропорциональны. Тонкие, как у всех животных пустыни, ноги фенека постоят за себя и поспорят в беге с самыми быстрыми животными. Даже египетский тушканчик, несмотря на всю свою быстроту, ча-

сто попадает на острые зубы маленького хищника.

И это в равной мере относится как к его уменью подкрадываться, так и к быстроте его движений.

Громадные пространства пустыни, как и скудность ее растительной и животной жизни, требуют хороших, неутомимых ног.

И особенно такие ноги нужны для хищников! Им нужно не только обегать каждый раз громадные пространства, но иметь возможность догнать свою добычу.

И ноги фенека дают ему возможность существовать и размножаться в песчаных пустынях.

Довольно толстое, на первый взгляд, туловище на самом деле очень невелико и легко. Оно кажется таким лишь от длинной, густой шерсти светло-песочного цвета.

Точно так же и хвост его, не менее пушистый, чем хвост нашей обыкновенной лисицы, служит хорошим украшением для всей фигурки фенека.

Арабы довольно часто ловят фенеков в силки, которые ставят возле их норок, а европейцы охотно покупают их.

В неволе фенеки забавные и милые зверьки. В первые дни, когда я купил себе фенека, мое приближение к нему вызывало в нем беспомощный страх.

Тоненьким, жалким голоском фенек начинал лаять на меня. Его голос напоминал тявканье молодого щенка.

Он прижимался в самый угол ящика.

Несколько раз я подносил ему свою руку, но он ни разу не осмелился ее укусить.

Я пробовал гладить его, и он тогда сворачивался в клубок, закрывал свою мордочку хвостом и жалобно повизгивал при каждом поглаживании.

Через неделю его боязнь почти совсем пропала. Он стал понимать, что с моим приходом он получает пищу.

При моем приближении к нему его уши приходили в движение; затем открывались блестящие большие глазки и вслед за ними из-за хвоста высовывался острый носик. Сна-

чала слух, потом зрение, а затем уже обоняние говорили фенеку о моем появлении.

Эти же чувства служат фенеку для отыскания добычи и предупреждения об опасности.

У знакомых французов я видел фенеков, которые свободно бегали по комнатам, впрыгивали на койки к их хозяевам и свертывались там для спанья.

Но даже и у самых ручных, которые на коленях чувствовали себя очень хорошо и приятно,—и у тех каждый звук разговора вызывал легкое движение ушей.

Уши фенека, слышащие на далеком расстоянии малейший шорох птички или насекомого, не могут выносить резких звуков.

Однажды у меня упала со шкафа книга. Фенек, как бешеный, подпрыгнул высоко вверх и потом долго дрожал, как от холода.

Фенек—животное ночное.

Пустыня с ее дневным зноем даже людей располагает к ночной деятельности.

Тогда зной сменяется прохладой и иногда очень значительной.

Фенек, как и большинство других обитателей пустыни, предпочитает прохладу — зною.

И вот эта привычка его — спать днем и бодрствовать ночью — доставляет мне много бессонных часов.

В первые дни, при боязни, он лежал тихо до тех пор, пока я не ложился в постель. Когда же в комнате становилось тихо, фенек начинал бегать по всем углам, скрести пол и повизгивать.

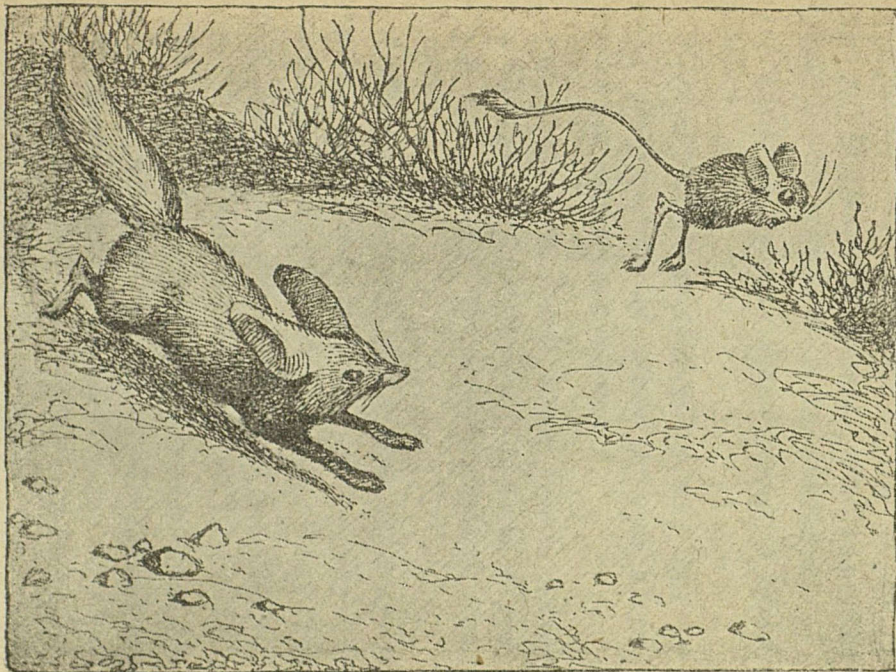
Его жалобный писк и шум очень неприятно действовали на меня, и я даже просыпался. Но фенек при моем движении умолкал, прижимался к полу и оставался неподвижным.

Потом я немного привык к этому шуму, а интерес к зверьку перевесил во мне жалость, которая возбуждалась его визгом.

Я решил держать его у себя и даже везти в Европу...

Но я забегаю вперед... Пока мои читатели знают, что я еду к колодцу и предполагаю там справить маевку!

Конечно, передвижение на верблюдах, да еще не беговых, а самых обыкновенных выючных—совершается очень медленно.

К колодцу мы под'ехали почти на закате солнца.

Колодец был расположен между тех же самых бугров, с той же самой скудной растительностью маленьких кустов.

Около него не было даже пальм, которые обыкновенно окружают каждый источник и превращают пустыню в полный жизни оазис.

Небольшая воронка с довольно крупными, хорошо утоптаннми краями, в глубине которой было 10—15 ведер воды,— вот что представляет из себя колодец, к которому с таким нетерпением мы стремились...

В одну минуту были положены верблюды, мы соскочили с них и начали раскладывать выюки. Как ни велико было желание отдыха, но нужно было торопиться и поскорее набрать веточек и корней, чтобы нагреть чайник.

Солнце стояло совсем низко над песчаными дюнами. Однако отправиться отыскивать топливо, не освежив своего рта, было выше моих сил.

Я взял стакан и опустился к воде.

Тут, у самой воды, на влажном песке, я заметил несколько различных следов.

Трехпалые следы ясно указывали на пустынных кур или рябков, которые прилетали сюда, чтобы напиться.

Но маленькие узкие отпечатки с едва заметными когтями были для меня незнакомы.

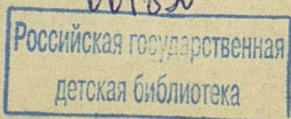
Какому зверьку пустыни принадлежат они?

Кто приходил сюда на водопой?

И я представлял себе животных пустыни, начиная от каракала или рыси пустыни и леопарда—до кошки; но у кошачьего семейства когти втянуты и не оставляют следов при ходьбе.

Эти же следы принадлежат зверьку собачьей породы. Как только я сообразил это, то сейчас же решил, что это наверно следы фенека. Они малы не только для гиены, но и для шакала.

661830

— Али, подойди ко мне, пожалуйста,—
позвал я,—скажи, чей это след?

— Фенеков,—ответил он.—Кому тут еще
на водопой бегать, кроме них.

— Значит, они приходят к этому колод-
цу пить воду?

— Каждый вечер! Они жадны к воде,
не то что тушканчик.

— Но сегодня мы их оставили без воды.
Они ведь не подойдут к воде, когда уви-
дят, что мы здесь.

— Что ж? Завтра напьются.

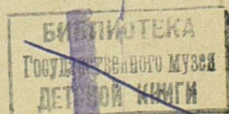
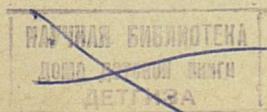
— А если и завтра тут кто-нибудь оста-
новится?

— Бывает, что тут по целым неделям
стоят арабы.

— Но как же они тогда обходятся без
воды?

— Нашим зверям не страшно—привыкли,
а фенек может и кровью напиться, когда
поймает гангу (рябок).

— Если хочешь чаю, пойдем скорее топ-
ливо собирать,—добавил Али.

— Конечно, хочу!—воскликнул я, предвкушая, с каким удовольствием я буду глотать горячую янтарную жидкость.

— Солнце низко, нужно скорее набрать веток, а то в темноте нельзя искать. Тут гадюк много под корнями—и не увидишь, как укусят.

Я сам хорошо знал и видал песчаных гадюк: знал, что не только их окраска подходит к песку, но и то, что они еще имеют привычку зарываться в песок, оставляя наружу одну голову с двумя острыми рожками.

Этот прием делает их так мало заметными, что даже днем арабы подвергаются их укушениям.

И все же я медлил. Во мне боролись самые противоположные чувства.

Несколько часов я томился жаждой; все время я думал, как я буду справлять маевку, попивая чаек с финиками—и мечтая о далекой родине. Ведь только в пустыне можно узнать, какое удовольствие испытывает человек не только от чая, но и от простого чайника чистой воды! С другой стороны все

тело было разбито от непривычной езды на верблюде.

Хотелось отдохнуть хорошенько, заснуть...

Но к колодцу приходят фенеки. Если отвести отсюда верблюдов и остаться здесь самому, то, может быть, увидишь одну из тайн пустыни, увидишь фенеков на свободе.

Не долго я колебался.

Такой случай, быть может, и не повторится во все время моего дальнейшего путешествия! Усталость, чай,—все это на сегодня можно по боку!

— Что же ты стоишь? Я один не могу набрать. Нужно еще верблюдов.

— Я не буду сегодня пить чай,—зачерпывая стаканом воду, ответил я ему.—Я здесь буду фенеков ожидать.

— Зачем их ожидать? — изумился Али.

— Хочу посмотреть, как они будут приходить сюда и воду пить.

— Что ж, смотри, если тебе хочется! И закрытый огонь возьмем с собою?—спросил он.

— Да, конечно,—ответил я.

Закрытым огнем Али называл мой электрический фонарь.

— С ним-то я и хотел наблюдать за фенеками.

Мы взвалили опять кое-как наши вещи на верблюдов и отошли шагов на 500 от колодца.

Тут я взял горсть фиников, хлеба и отправился к колодцу, чтобы засветло выбрать подходящее местечко и залечь.

Чтобы сделаться возможно более незаметным, я раскопал горячий песок и засыпал свои ноги в нем, а вокруг туловища сделал вал. Фенеки могли только обонянием открыть мое присутствие.

Кроме того, я, по совету Али, залез на бугор. Али говорит, что фенеки никогда не взбегают на бугры, а всегда стараются итти между ними, чтобы пользоваться всяким кустиком и ямочкой, как прикрытием.

Я думаю, что Али говорит верно. Фенек — лисица, а повадки у всех лисиц именно таковы.

Наша обыкновенная лисица, полярная лисица или песец, корсак-лисица степей Азии, серая американская лисица, широконосая

лисица южной Африки, и, наконец, близкий родич фенека — лисичка-камя, — все они имеют почти одинаковые повадки.

В большинстве случаев охота лисиц сводится к исканию добычи по запаху и затем скрадыванию ее.

И острота слуха, зрение и обоняние у фенека позволяют ему охотиться не только за птичками, зверьками, но даже насекомыми.

Его неслышная крадущаяся поступь позволяет ему улавливать на ходу самые отдаленные, самые тихие звуки... Если некоторое колебание воздуха попало ему в уши, — они расширяются в сторону шума. Фенек на мгновение останавливается и затем еще более осторожно начинает приближаться по направлению шума. Его глаза пронизывают густую темноту пустыни. Он издали может рассмотреть спящего рябка, жаворонка или даже толстую саранчу.

Он и ее скушает. Правда с меньшим удовольствием, чем птичку или зверька, но все же не пройдет мимо, если услышит ее шуршание.

В пустыне нужно мириться со всем, в ней много песку, камней и зноя... но не пищи и питья.

При всей неустойчивости фенека, при всей остроте его чувств, громадное пространство, на котором рассеяно редкое животное царство пустыни, создает и фенеку большие трудности.

В Сахаре можно ехать целые часы, целые дни и не встретить ни одной птички...

И эта редкость населения служит лучшей защитой от врагов. Не так легко и не так часто удается фенеку лакомиться горячей кровью рябков или жаворонков.

Но зато рябок для фенека — желанная добыча. Если фенек почует своим носом, что он пересек след рябка, то сейчас же вынюхает все место и отправится по тонкому запаху, который остался при дневной ходьбе этой птицы.

Тут уже ничто не отвлечет внимания этой изумительной ищейки!

Фенек упорно будет идти по следам рябка вплоть до его ночлега или того места,

с которого он улетел. Часто бывает такая неудача... Но она не обескураживает фенека.

Бывает иногда и обратно; бывает, что во время этих поисков ветер понесет запах спящих недалеко рябков, и тогда тот же нос фенека напрямик приведет к желанной добыче.

По запаху фенек не только отыскивает рябков, но даже пустынных жаворонков и чекасов. Случается, что и эти маленькие птички попадают на зубы фенеку. Попадают не только по запаху, но иногда и по шуму, который они производят во сне при перемене положения или по невольному вырвавшемуся крику, песне, хлопанью крыльев...

Кто держал птиц, тот знает, что иногда во время сна птицы издают свою обычную позывку, взмахивают крыльями, иногда делают целое колено своей песни...

Вероятно, и они видят сны... Но горе для всякой птицы, если во время такого беспокойного сна вблизи есть враг.

Раз какой-либо шум от движения птицы попал в громадные уши фенека — птица погибла.

Маленький разбойник, как и наша лисица, опустит свое тело до земли и будет медленно, долго красться на шум. Его глазки издали заметят где-нибудь под кустиком крохотную фигурку птички, которая не подозревая опасности продолжает безмятежно спать.

Фенек выберет самый близкий к ней кустик или углубление, чтобы одним прыжком схватить в зубы свою жертву...

Но такой прием скрадывания добычи он применяет к спящим птицам. На тушканчиков и полевок он охотится иначе. Тут он не только скрадывает, но и гонится... Сахарская полевка и тушканчик тоже, как и фенек, животные ночные.

У них тоже острый слух и зоркие глаза. Не всегда фенеку удастся захватить их врасплох. К сожалению, такие охоты редко видят и арабы.

Даже в самые светлые лунные ночи нет возможности уследить за обоими быстрыми, как ветер, животными.

Арабы уверяют, что фенек часто ловит тушканчика, несмотря на его изумительные

прыжки. Все дело тушканчику портит его заячья сноровка прыгать в разные стороны, чтобы слушать врага.

Но такой прием с фенекком оказывает плохую услугу тушканчику.

Фенек внимательно следит за прыжками и бежит прямо к тому месту, куда опускается тушканчик.

От беспорядочных прыжков и страха тушканчик скоро утомляется и становится добычей менее ловкого, но более хитрого животного.

Гораздо скорее и проще фенек расправляется с полевками.

У них одно спасение: скрываться под корнями или влезать в норки. Но и это мало спасает от настойчивого преследователя.

Фенек раскапывает неглубокие норки, и маленькая полевка, такого же цвета, как и сам фенек, попадает в его желудок.

Однако, и сам фенек иногда во время такой охоты становится жертвой гиен, каракалов, а иногда леопардов, шакалов и филинов.

И на его мясо есть охотники, кроме человека. Фенек имеет единственное средство спастись от всех этих врагов: зарыться в песок, а еще лучше залезть в свою или чужую нору.

Зарываться в песок свойственно многим зверькам и ящерицам пустыни; исчезает так и фенек на глазах у преследующих его врагов. Но не всегда удается ему обмануть гиен, шакалов и людей.

Гиен и шакалов не обманет их чутье, и они откопают фенека.

Точно так же и человеку не трудно разгрести слой песку и вынуть фенека.

Гораздо надежнее способ спасения фенека в его норках.

Место для своей норы фенек выбирает там, где корни растений связывают песчаную почву.

Тут фенек роет, как и наша лисица, длинные ходы по различным направлениям. В середине этих скрещивающихся ходов фенек устраивает себе логово. Фенек очень любит уют и тепло и поэтому выстилает

свое логово сухими травами, волосами и даже перышками.

В такой норе фенек в безопасности от всех своих врагов, за исключением разве ужасного аспида—змеи, навещающей ужас не только на животных, но и на людей. Целый день проводит фенек в своем теплом гнездышке. Лишь в исключительных случаях выходит он днем из норы и то не в жаркие дни.

Во время же палящего зноя душно даже под землей. Зной и духота от раскаленного песку проникает и туда...

Тяжела для всех животных жара пустыни!

С нетерпением ожидают они, когда ослепительный блеск солнца, отражающийся миллионами блесток в песчинках, сменится такими же блестками на темно-синем небе юга...

Тогда кое-где в молчаливой пустыне пробуждается молчаливая животная жизнь...

Выглядывают из своих норок фенеки, поводят ушами, нюхают воздух и мало-помалу высовываются из норы... От кустика до бугорка, от бугорка до ямочки бегут они к колодцу, чтоб освежиться холодной водой.

С нетерпением ожидал я их появления, лежа на горячем песке...

Тихо вечером в пустыне и жутко.

Жутко от этого спокойствия, от этой тишины...

Покоем кладбища веет здесь!

Необычно чувствуют себя европейцы среди громадного голого пространства от неприглядной действительности...

Я попробовал было опять предаться воспоминаниям о маевке моих близких, как я делал это днем, но теперь я почувствовал себя вдруг таким далеким, таким оторванным...

В груди точно сжалось что-то...

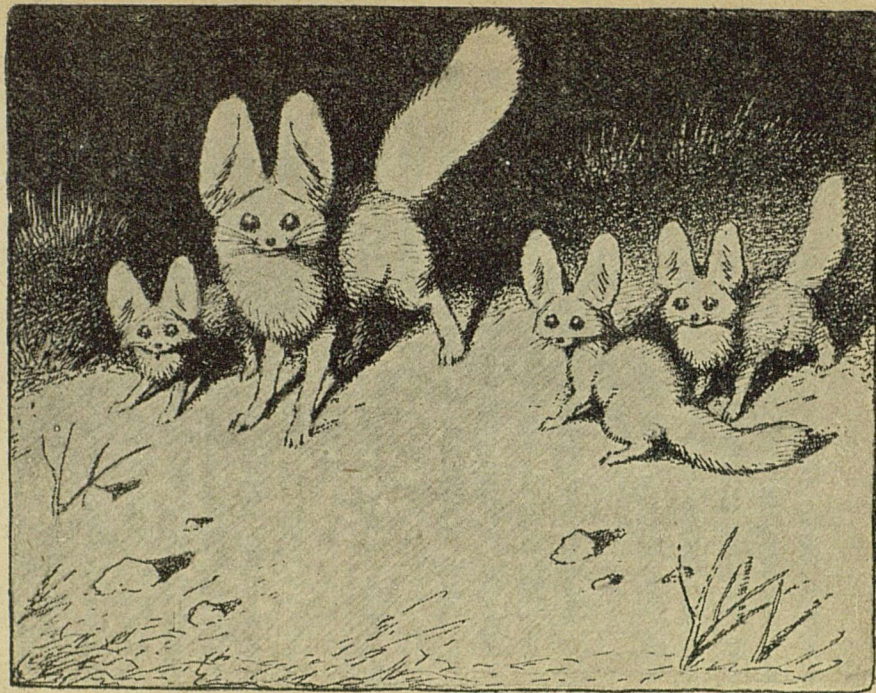
Нет, не нужно вспоминать... не нужно думать о том, что делается теперь за 5 или 6 тысяч верст отсюда... Лучше думать о фенёках, они должны сейчас притти.

Ведь уж темно: им пора явиться сюда!

Быть может, я нехорошо спрятался и они видят меня?

Но вслед за этим я услышал тявканье. Точно тихая жалоба на судьбу свою раздалось такое тявканье в другом месте...

Подходят! подумал я и стал вглядываться вокруг.

На мое счастье луна светила ярко, и около колодца я скоро увидел характерную фигурку фенека с растопыренными ушами. При каждом движении он пригибал свою головку к земле и от этого казалось, что он идет не на лапках, а всей ногой.

Так, становясь наименее заметным, фенек осторожно приближался к колодцу.

В некотором отдалении, вслед за ним с такими же ужимками двигались еще три крохотных фенека.

Очевидно, что это была мать, которая вела своих деток на водопой.

Прежде чем спуститься в яму к воде, мать остановилась, подняла свои уши вверх, повела головой вокруг и, вероятно, убедившись, что ничего опасного нет, спустилась к воде.

За ней, уже без всяких предосторожностей спустились дети.

Из-за своего вала мне нельзя было видеть, как фенеки пили. Я не хотел припод-

ниматься, чтобы каким-либо шумом не испугать их.

И я хорошо сделал.

Мать очень скоро выскочила оттуда и села на задние лапы. Мне было видно, как двигались ее уши то расширяясь, то суживаясь. Очевидно, она чего-то беспокоилась. Но чего?

Если бы меня, то она обернулась бы ко мне!

Может быть Али или верблюды делают какой-либо шум?

Но нет, они в другой стороне. Что же ее тревожит? Она все смотрит в одно и то же место!

А! вот оно что! Да это еще фенеки подходят! И я стал различать прячущуюся маленькую фигурку, которая тихо приближалась к колодцу.

Тем временем поднялись из ямы и три детеныша. Один начал задней лапой чесать себе шейку, другой—обнюхивать кусты, а третий тоже, как и мать, смотреть на приближающегося фенека. Когда тот подошел близко, мать вдруг прыгнула к нему.

После этого они обнюхали друг друга.

Вероятно, убедившись таким образом во взаимной благожелательности, они разошлись. Мать подошла к своим детенышам, а новый фенек спустился к воде.

Дети сейчас же подбежали к своей матери и начали теребить ее. Кто за хвост, кто за лапу, толкая друг друга. Мать с неохотой кусала их, отдергивала свои члены. Очевидно, что она не была расположена играть с ними. Она казалась озабоченной. Дети скоро оставили ее: вышло как-то, что один детеныш укусил другого. Тот в свою очередь кинулся на обидчика — и меж ними завязалась борьба. Третий, при виде такого оживления, и сам кинулся к ним — и пошла всеобщая свалка.

Мать отошла на несколько шагов от них и остановилась в сторожевой позе.

Я все свое внимание сосредоточил на трех молодых фенеках. Их резвость все больше и больше увеличивалась...

Они то прыгали друг на друга, то ползли на животе... Их пушистые хвосты так и мелькали в воздухе.

Как ни ярко светила луна, но все же я не мог хорошенько разглядеть всей красоты их движений...

Все их движения были так быстры, так легки, что нужно было лежать в 3—4 шагах от них, чтобы видеть всю грацию этих крохотных созданий...

Иногда из этого живого клубка вырывался один из них и в два-три прыжка скрывался под каким-нибудь кустиком.

Потом медленно крался опять к резвившимся без него и наскакивал на них, как на добычу...

В этих играх маленькие хищники проходили целую школу их будущих охот. Тут были и скрадывание, и ожидание, и нападение.

Совершенно незаметно для меня, сбоку подошли еще два фенека один за другим.

Мать и их тоже обнюхала, прежде чем они спустились к воде.

Она все же не была спокойна, и я начал предполагать, что она чувствует, что тут есть кто-то еще... К ней подошел первый фенек и стал лизать у нее за ушами...

Но и такая ласка мало успокоила ее...

Два фенека, которые пришли позднее, не пожелали остаться около колодца.

Сразу, как только они поднялись из ямы, так и скрылись за буграми.

Вероятно, они были голодны и отправились на розыски добычи.

То же, вероятно, сделают скоро и эти фенеки; не даром мать выказывает такое беспокойство!

Разве попробовать на мгновение осветить моим фонарем играющих детенышей?

А то уйдут они, а я и не увижу их, как следует.

Вот уже мать подошла к детенышам, может-быть, сейчас они отправятся? И я нажал кнопку своего фонаря.

Высоко подпрыгнула мать и в изумлении остановились дети, ослепленные светом.

Чудная была эта картина, но она продолжалась мгновение.

Как стрела помчалась мать, вслед за нею прыгнули дети!

И все, как в сказке, исчезло с моих глаз.

Фонарь освещал лишь пустую песчаную площадку перед колодцем и чахлые, низкорослые кустики пустыни...

Но я был доволен. Я видел чудные картины жизни осторожных и скрытных обитателей Сахары.

120-6

1- 1 2 АВГ 1942

V362
[K]
Цена 12 коп.

Адрес издательства:
Москва, Кузнецкий мост, 13.—Тел. 4-82-72.

Адреса магазинов:
№ 1. Москва, Охотный ряд, 1.—Тел. 3-82-20.
№ 2. „ Никольская, 12.—Тел. 82-33.

Центральный книжный склад:
Москва, Бол. Дмитровка, 10.—Тел. 73-32.